

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (вводные замечания)

Л.Е. Гринин

Будет ли XXI век веком глобализации? Весьма вероятно. Но что тогда произойдет с суверенными правами национальных государств? Останутся ли государства ведущими игроками на мировой политической сцене или же уступят место новым образованиям?

В политической науке тема изменения (размывания, исчезновения) национального суверенитета рассматривается в основном в рамках изучения глобализации и процесса становления нового мирового порядка, а также в связи с военными действиями в отношении отдельных стран, таких, как Ирак, Сомали, Югославия и др. [см., например, Giddens 1990; Held et al. 1999; Held, McGrew (eds.) 2003b; Gilpin 2001; Ильин 1993; Цымбурский 1993]. Однако причины трансформации суверенных прерогатив государства, на наш взгляд, исследованы недостаточно глубоко и полно. Создается впечатление, что большинство политологов (особенно в России) все еще существенно недооценивают масштабность процесса изменения суверенитета и, главное, степень влияния этого процесса на все сферы жизни общества.

Ограниченность используемых авторами подходов заключается, прежде всего, в изображении трансформации национального суверенитета как процесса, происходящего под влиянием мощных наднациональных сил как бы помимо или даже вопреки воле самих государств [Keohane 1995; Held 2003; Clark 1999; Strange 2003]¹. При этом почти не замечается иной аспект проблемы, который нам представляется исключительно важным: *суверенитет в большой, возможно, даже в преобладающей степени, сокращается добровольно самими национальными государствами.*

В настоящей статье мы попытались показать двусторонний характер трансформации суверенитета в условиях глобализации: с одной стороны, усиливаются факторы, вызывающие сокращение номенклатуры и объема суверенных полномочий государств, с другой — большинство государств добровольно и сознательно идут на ограничение своего суверенитета. Для того чтобы адекватно оценить происходящие изменения, нужны новые подходы к проблемам национального суверенитета и роли государств в процессе глобализации. Некоторые из таких подходов предложены нами в данной статье.

Под *суверенитетом* в политической науке обычно понимается важнейший признак государства, выражающийся в его полной самостоятельности

ГРИНИН Леонид Ефимович, доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра исследований социально-исторических трансформаций, зам. главного редактора журнала «История и современность».

¹ В список угроз государственной суверенности часто включают глобальные финансовые потоки, многонациональные корпорации, глобальные медиа-империи, Интернет и т.п. По утверждению глобалистов, государственная власть сильно ослабляется этими процессами, которые ведут к проницаемости границ [см. Held, McGrew 2003a: 124].

сти, т.е. верховенстве во внутренней и независимости во внешней политике [см., например, Политология 1993: 367; Held 2003: 162-163]. Первые трактовки этого понятия, в частности, как “постоянной и абсолютной власти государства” (Ж.Боден), появились еще в начале Нового времени в трудах Н.Макиавелли, Ж.Бодена, Т.Гоббса и др. [подробнее см. Held 2003: 162-163; Ильин 1993, 2001]. Содержание понятия “суверенитет” постоянно менялось в зависимости от того, кто выступал высшим сувереном — феодальный монарх, имевший “право дарить или расчленять государства при дележе наследства”, просвещенный абсолютный монарх, выступавший от имени народа, или же сама нация [Ян 1996]. С утверждением Вестфальской системы международных отношений принципы суверенности государств приобрели общеевропейское признание. Однако полностью эта “нормативная траектория” международного права была описана лишь к концу XVIII — началу XIX вв. [Held et al. 1999: 37-38].

Включение в Устав ООН и в некоторые другие международные документы положений о суверенном равенстве государств и о праве наций на самоопределение способствовало упрочению идеи национального суверенитета в международных отношениях во второй половине XX в. В частности, это выражалось в неприятии мировым сообществом любой агрессии и нарушения государственного суверенитета ради достижения идеологических целей. Так, мировое общественное мнение негативно восприняло так наз. “доктрину Брежнева”, служившую идеологическим обоснованием права СССР и других стран соцлагеря на военное вмешательство в дела тех социалистических государств, которые пожелали бы свернуть на капиталистический путь развития. В свою очередь, вмешательство США в дела стран американского континента также подвергалось осуждению.

Понятие суверенитета сложное и неоднозначное. Его содержание продолжает меняться в связи с изменениями международных отношений и политических систем в тех или иных государствах [о последнем см. Гринин 2006а, 2007а; Grinin, Korotayev 2006]. Необходимость комплексного переосмысления и переоценки понятия “суверенитет” в наши дни обуславливается “возникновением мирового политического сообщества, ...уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии” [Политология 1993: 368], а также действиями на международной арене новых акторов — конкурентов государства типа ТНК, негосударственных организаций и наднациональных структур [Уткин 2000: 41-42].

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИКА И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Так что же такое глобализация? Без претензий на однозначную дефиницию² определим ее так: *глобализация — это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов.* Иными словами,

² Общепринятого определения глобализации нет и, вероятно, в ближайшее время оно не появится, поскольку в это понятие вкладывается самое разное содержание. Нередко подчеркивают отдельные стороны глобализации (например, глобальную демократию в мире [Chase-Dunn 2003]), которые могут и не выражать главного в глобализации.

складывается своеобразная система, для которой характерны “резкое усиление и усложнение взаимных связей в основных областях экономической, политической и общественной жизни, приобретающих планетарные масштабы” [Иванов 2004: 19]. Примечательно, что многие исследователи [см., например, Зуев, Мясникова 2004: 54; Каплински 2003: 4] указывают, прежде всего, на экономический характер глобализации. Признание экономических и технологических изменений мотором этого процесса означает признание его необратимости: он не может быть остановлен или повернут вспять никем, поскольку развитие новых технологий невозможно ни остановить, ни затормозить [подробнее см. Гринин 1999, 2005, 2007б]. Чтобы контролировать глобализацию, нужно, в первую очередь, контролировать направления и темпы экономического и технического развития. Сегодня это выглядит утопией. Тем не менее барьеры на пути этого процесса в виде различных регламентаций и квот в будущем, возможно, появятся.

Технологии, торговля, транспорт, ТНК, международный капитал опутывают мир новыми сетевыми связями и делают границы государств прозрачными [Habermas 2003; Кастельс 1999, 2002; Гринин 2006б: 158-159]. В результате сокращается объем национального суверенитета и подрывается положение государства как главного субъекта международных отношений. Таким образом, изменения в производительных силах ведут, так или иначе, к изменению всех остальных областей жизни, включая политическую сферу. Колоссальные перемены происходят в моделях поведения как государств, корпораций и групп, так и масс людей. И если о судьбах государства (умирает оно или укрепляется?) спорят довольно часто [Held, McGrew 2003а: 121-125; Gilpin 2001], то данное следствие обсуждается гораздо реже.

Прогресс и регресс всегда идут рука об руку. Какая-то часть изменений в чем-то ухудшает нынешнюю ситуацию по сравнению с предыдущей [подробнее см. Гринин 2006в: 92-94]. На наш взгляд, сокращение объема суверенных прерогатив государства также имеет как позитивные, так и негативные последствия. Например, бтльшая, чем раньше, открытость границ не только обеспечивает развитие торговли, но и способствует распространению терроризма, облегчает наркотрафик. При этом баланс плюсов и минусов различен для разных стран, регионов, территорий и даже слоев общества. Отсюда — неоднозначное отношение к глобализации. Недаром критики указывают на ее хаотичный и несправедливый характер, на увеличивающийся разрыв в уровне жизни населения разных государств³ [Капра 2004: 171].

Создавая контуры нового порядка, глобализация ломает прежний, действовавший в рамках государственных систем порядок, причем скорость разрушения старых отношений зачастую сильно опережает возведение новых. В частности, в ряде стран это наглядно проявляется в сломе традиционной идеологии, основанной на сакрализации родины и нации, и, соответственно, в ослаблении таких ценностей, как патриотизм, за счет

³ Это неоднозначный вывод, поскольку в одних случаях, например, в отношении африканских стран, разрыв может увеличиваться [Leftwich 2005: 153], в то время как у других стран “второго” и “третьего мира” наблюдаются более высокие, чем среднемировые, темпы экономического роста. Это относится, в частности, к ряду государств Азии, Восточной Европы и СНГ [см., например, Maddison 2001; World Bank. World Development Indicators 2005; Шишков 2004: 18].

распространения альтернативных национальным предпочтений и идентификаций. Никакой четко оформленной и способной увлечь массы новой идеологии глобализация пока не предложила.

Тесная взаимосвязь национальных экономик ведет к быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные катаклизмы. Это подтвердили недавние финансовые кризисы, вызванные международным капиталом в разных странах в практически мгновенно ставшие явлением глобального порядка. Финансовые рынки непредсказуемы и нестабильны по своей природе [Сорос 2001: 25, 27]. Одна из главных причин их неустойчивости коренится в том, что политические институты отстают от экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования [Ван дер Вее 1994: 374] и совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков. Как отмечает редактор журнала “Америкэн проспект” Р. Катгнер, “ставки просто-напросто чересчур высоки, чтобы позволять спекулятивному капиталу и колебаниям валютных курсов определять судьбу реальной экономики” [см. Капра 2004: 167].

С легкой руки американских политологов глобализация порой предстает как процесс навязывания воли США остальному миру, как процесс установления нового, выгодного Америке мирового порядка [см. Бажанов 2004; Бжезинский 1999; Терентьев 2004; Collins 2002: 118]. Можно согласиться с тем, что сегодня “самыми главными ‘глобализаторами’ являются американцы” [Бергер 2004: 9]. Но означает ли это, что непременно должен установиться именно *Pax Americana*, во что искренне верят многие в Соединенных Штатах?

126

Конечно, установление такого порядка возможно. Но реально ли постоянно его поддерживать? На наш взгляд, это сомнительно. Более вероятным представляется изменение расстановки сил в мире в не столь отдаленном будущем⁴ [подробный анализ таких изменений см. Тодд 2004; Уткин 2002]. Ведь наличие каких-то тенденций не означает, что будущее предопределено. Направление, формы и результаты мировых процессов будут зависеть от меняющегося баланса сил, от стратегии, которую выберут те или иные страны и объединения, от различных геополитических факторов и их комбинаций. Соответственно, те, кто стремится занять значимые позиции в интегрирующемся и меняющемся мире, должны прогнозировать и предугадывать тенденции, используя их в своих интересах. Несомненно, и Россия сможет сыграть важную роль в новом мировом порядке, если правильно выберет стратегию. Не нужно горевать по поводу того, что мир охватила глобализация по-американски [см., например, Крылова 2004]. Надо искать собственное место в глобальных процессах, не теряя при этом своих особенностей.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, СОКРАЩЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА И НАЦИОНАЛИЗМ

На практике суверенные права и полномочия государств и наций всегда ограничивались разными факторами. Тем не менее в головах теоретиков

⁴ Даже З. Бжезинский начинает сомневаться в результативности нынешней политики США и призывает переосмыслить или, точнее, переформулировать внешнеполитические цели и идеологию Америки, полагая, что “она должна определять свою безопасность в таких категориях, которые отвечали бы интересам других” [Бжезинский 2005: 284].

“Вестфальский суверенитет” (т.е. неограниченные суверенные права) все же существовал. Сегодня представление о полной свободе действий государств неверно даже чисто теоретически. Дело в том, что объем внутреннего суверенитета сильно сузился де-юре — за счет международных договоренностей, в том числе в области прав человека [Политология 1993: 368], а де-факто — в силу сложившихся традиций.

В своих работах [см. Гринин 1999, 2005, 2006б, 2007б] мы особо обращали внимание на недооценку значения того фундаментального факта, что начиная с послевоенного времени многие страны *добровольно* ограничивают себя в вопросах, казалось бы, наиболее затрагивающих их суверенитет⁵. Право вводить пошлины и налоги, запрещать или поощрять ввоз/вывоз товаров (капиталов), печатать деньги, брать займы, провозглашать или ограничивать политические свободы, устанавливать правила проведения выборов, применять смертную казнь — это и многое другое перестало определяться исключительно желаниями самих государств. Не так давно европейцы отказались от святая святых — собственных, веками выстраданных национальных валют — ради одной общей (евро). В конце концов, даже то, что всегда признавалось главным в суверенитете — право объявлять войну и заключать мир — оказалось под международным контролем. Более 50 лет назад в своем знаменитом антивоенном манифесте⁶ Б.Рассел и А.Эйнштейн предупреждали, что искоренение войн потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ущемлять чувство национальной гордости [см. Адамович, Шахназаров 1988: 185]. Сегодня такие меры уже не ущемляют национальную гордость. Мировые войны и тоталитаризм наглядно показали, насколько опасным может быть абсолютный суверенитет, включающий, в том числе, право на развязывание войн и репрессий. Можно констатировать, что *сфера внутренних компетенций государства, в которую никто не вмешивается и которая регулируется только национальным правом и обычаями, сужается, а международное право или право определенного сообщества (коллективного участия) расширяется* [подробнее см. Гринин 1999, 2005].

Большинство исследователей в своих работах о положении и роли национального государства в современном мире, как справедливо замечает М.Мэнн, ведут односторонний спор на тему: усиливается государственная система или ослабевает. Между тем это более сложный и неоднозначный процесс: в чем-то позиции государства ослабевают, а в чем-то — усиливаются [Mann 1997; Ян 1996: 49]. Так, по наблюдениям С.Стрэнг, почти не осталось сферы, в которую не вмешивалась бы государственная бюрократия, будь то строительство дома или семейные отношения [Strange 2003:

⁵ Конечно, не стоит забывать о том, что параллельно нараставшему сужению суверенитета в течение первых послевоенных десятилетий разворачивались противоположные процессы, в результате которых современное национальное государство стало доминирующей формой политического управления в мире [Held et al. 1999: 46]. Так, если судить по числу государств-членов ООН, то рост составил от 51 в 1945 г. до 185 в 1994 г.

⁶ “Манифест Рассела–Эйнштейна”, призывавший мир отказаться от ядерного оружия, был провозглашен 9 июля 1955 г. в Лондоне. Помимо авторов, манифест подписали М.Борн, П.Бриджмен, Л.Инфельд, Ф.Жолио-Кюри, Г.Мюллер, Л.Полинг, С.Пауэл, Х.Юкава, Дж.Ротблат.

128]. Стрэнг усматривает в этом парадокс, которого здесь на самом деле нет. Как известно, процессы никогда не идут однолинейно и только в одном направлении. Результирующий вектор – это всегда сложный баланс разнонаправленных изменений, причем ослабление системы обычно сопровождается усилением ее отдельных сторон.

В современном мире более нет “единого и неделимого” государственного, народного или национального суверенитета. Суверенитет все чаще делится между наднациональными, национальными, субнациональными, а иногда и региональными и муниципальными единицами [Ян 1996: 49]. На процесс трансформации национального суверенитета влияет целый ряд факторов: технологические и экономические изменения, глобальные проблемы, которые нужно решать сообща, региональная интеграция, стремление избежать войн, рост числа демократических режимов и пр. При этом фактор добровольности в сокращении объема суверенных полномочий государства среди них один из самых важных. Более того, именно он, на наш взгляд, обуславливает необратимость этого движения. Разумеется, данный фактор не исключает воздействия, иногда довольно жесткого, на страны-нарушители международных правил и договоренностей (например, такие, как Ливия), а также попыток прямого вмешательства в дела тех государств, которые не в состоянии разрешить внутренние конфликты или обуздать вышедшие из-под контроля силы (Югославия, Израиль и Палестина, некоторые африканские страны). Подобные действия мирового сообщества или отдельных стран и блоков (США, НАТО) также оказывают влияние на трансформацию суверенитета, создавая прецеденты на будущее. Не последнюю роль в этом процессе играет и мировое общественное мнение: ведь чем шире круг стран, сознательно ограничивающих свой суверенитет (как правило, для повышения престижа и получения вполне реальных преимуществ [Злоказова 2004: 68]), тем более неполноценными кажутся государства, которые не идут на такие ограничения.

В настоящее время процессы интернационализации вышли, по сравнению с предыдущими эпохами, на качественно новый уровень. Во-первых, они охватили весь мир. Во-вторых, наиболее типичной формой объединения стали экономические союзы. Некоторые экономические организации (ВТО, МВФ) сегодня включают в себя большинство стран мира. Масштабы и цели политических союзов также изменились. В-третьих, контакты между лидерами государств стали постоянными и более тесными. Вопросы, которые они решают, тоже уже иные. В-четвертых, лишь немногие страны могут позволить себе проводить изоляционистскую политику и не вступать ни в какие союзы (подобно политике “блестящей изоляции”, которую проводила Великобритания в XIX в.).

Как это ни парадоксально, но наибольший суверенитет, т.е. наименьшие ограничения в использовании суверенных прав, ныне имеют государства идеологически и экономически закрытые (Китай, Иран, Саудовская Аравия, некоторые другие мусульманские страны, Северная Корея, Куба). Нередко именно из-за их “суверенных прав” (в том числе права создавать ядерное оружие) в мире возникают острые конфликты. В целом же даже их суверенитет начинает сужаться. Что касается достаточно открытых и развитых государств, то тенденция делегирования ими своих полномочий региональным и

глобальным организациям очевидна. Исключения составляют Соединенные Штаты, которые позволяют себе порой идти вопреки мнению многих стран, открыто ставят свои национальные интересы выше мировых и союзнических [Киссинджер 2002: 2; Бжезинский 2005]. Возможно, именно в противостоянии Америки, с одной стороны, и значительной группы государств, способных выразить некое коллективное мнение — с другой, будет заключаться основная интрига трансформации нынешней системы международных отношений [подробнее см. Гринин 2005: 9, 25-26; см. также Тодд 2004].

Итак, под воздействием мощных факторов государство постепенно уступает свое место основному суверену более крупным, в том числе наднациональным, образованиям и структурам. В дальнейшем эта тенденция, на наш взгляд, будет только усиливаться. Однако очевидно, что в чем-то суверенитет будет сужаться (например, в вопросах экономической стратегии), а в чем-то закрепляться и даже расширяться. Как считает Э.Ян, расти будут этноязыковые, культурные и социальные функции государства [Ян 1996: 49]. Некоторые исследователи [Уткин 2000: 41-42] предупреждают, что резкое сокращение суверенитета и традиционных функций государства может породить хаос. Памятуя об этой опасности, думается, не следует торопиться хоронить национальное государство, оно еще долго будет ведущим игроком на мировой политической сцене.

Суверенитет также останется одним из важнейших принципов международных отношений. Открытое неуважение суверенных прав национальных государств будет по-прежнему вызывать осуждение. Как показывает мировой опыт, если грубо и открыто, опираясь на право сильного, попирает суверенитет тех или иных режимов, даже диктаторских, то симпатии мировой общественности могут оказаться на реакционной, по сути, стороне. Характерный пример — война США в Ираке 2003 г. Вот почему для поддержки санкций против режимов-нарушителей нужны действительно безупречные аргументы, вытекающие из решений международных организаций, в первую очередь ООН.

Интеграция государств в наднациональные экономические объединения становится все более значимой частью глобализации. Такие объединения имеются уже на всех континентах, в некоторых случаях наблюдается тенденция трансформации их в политические союзы. Конечно, процесс создания действительно оформившихся, системно и глубоко интегрированных надгосударственных образований не может быть слишком скорым. Не будет он, на наш взгляд, и гладким, хотя бы потому, что участвующие в них государства не могут игнорировать собственные интересы и не противопоставлять их друг другу. Внутри самих государств разные политические силы по-разному понимают национальные цели, да и трактовки общих целей могут различаться. В этом плане весьма показателен пример США, которые сумели стянуть в тугую узел чисто национальные узкополитические проблемы (вроде предстоящих выборов или необходимости поднять рейтинг президента) и мировые интересы⁷.

⁷ Предположения о формировании в будущем “нового органа всемирно-политической власти”, на наш взгляд, сомнительны, а идеи мирового правительства, получившие популярность после Второй мировой войны, по-прежнему нереалистичны [см. Булл 2003: 579-580]. Вызывают также сомнения утверждения о неизбежности трансформации Европейского союза в “централизованное образование типа Соединенных Штатов Европы” [Лукьянов 2005].

Следует отметить еще одну тенденцию: на фоне сокращения объема национального суверенитета наблюдается бурный рост национализма, выражающийся в стремлении даже самых малых народов обрести собственный суверенитет. Объяснение причин современного сепаратизма, к которому мы пришли, на первый взгляд, может показаться парадоксальным: *национализм усиливается потому, что ослабевают государства как системы* [подробнее см. Гринин 1999, 2005]. Но это только на первый взгляд. Никакого парадокса здесь нет. Нации — это не вечные сущности, а *этнополитические общности, складывающиеся чаще всего именно в рамках государств* [например, Armstrong 1982: 4]. При одних условиях их сплоченность и однородность усиливаются, при других, напротив, ослабевают. Поэтому формирование надгосударственных систем в XX в. шло параллельно с разрушением не только колониальных империй, но и ряда старых и вновь возникших государств, особенно многонациональных, среди которых были даже, казалось бы, весьма устойчивые (Австро-Венгрия, позднее — СССР). Подобное разрушение, хотя и весьма болезненное, играет и позитивную роль, облегчая региональную и мировую интеграцию.

Очевидно, что национальные проблемы будут стоять весьма остро в разных регионах и странах еще на протяжении десятилетий. Между тем в мировом общественном мнении, хотя непоследовательно и с трудом, но все же формируется негативное отношение к злоупотреблению правом наций на самоопределение, которое, по выражению У.Альтерматта, превратилось в “опиум для народов” [Альтерматт 2000: 104]. Агрессивный национализм, раскалывающий государства и создающий угрозу мировому порядку, постепенно должен пойти на убыль. Подчеркнем, что речь идет не об исчезновении наций и национальных различий, а о переходе национальных проблем и отношений из сферы высокой политики и жарких схваток в более спокойное русло, примерно так, как это случилось с христианством в большинстве стран Европы.

ЗАГЛЯДЫВАЯ В БУДУЩЕЕ

Размышляя над интеграционными процессами, неизбежно задаешься вопросом: удастся ли примирить интересы сотен государств, имеющих не только разную культуру, но и разный уровень развития, и если да, то каким образом? Ведь ускорение темпов развития мира и ограниченные временные рамки для решения глобальных и иных проблем не позволяют ждать, пока отстающие страны найдут свой собственный путь. Некоторые из них могут искать его столетиями. Утверждения о том, что обеспечить движение к преодолению отсталости можно только при условии наличия эффективного рынка и эффективного государства, несомненно, имеют под собой основания. Ну, а если институт государства слаб, как в тропической Африке? И что делать, если государство, напротив, настолько сильно, что способно не допустить нужные изменения (как, например, в Северной Корее, на Кубе)? И как быть со странами, население и даже элита которых не в состоянии понять общемировые проблемы?

Заметим, что каким бы мягким ни было внешнее влияние на страны, у которых нет сил для самостоятельных преобразований, оно, так или иначе, скажется на их суверенитете. Ограничение суверенитета происходит на двух

уровнях: региональном (развивающиеся страны объединяются в региональные сообщества, чтобы вместе отстаивать свои интересы) и глобальном — в рамках противостояния развитых и развивающихся стран (проблема Север — Юг). Так, после операции США в Ираке 2003 г. региональные организации в Африке, Юго-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в Латинской Америке выработали новую, более жесткую политику в отношении терроризма и использования оружия массового поражения. Причем решать эти проблемы они намереваются собственными силами, на своей территории и с помощью независимых миротворческих структур. Одновременно были начаты поиски средств для минимизации риска американского вторжения и противодействия использованию Соединенными Штатами тактики “разделяй и властвуй” в отношении стран региона [Бейлс 2004: 75].

На втором уровне активизировался диалог между объединениями государств (к примеру, между ЕС и группами африканских стран). Существуют важные причины, которые в среднесрочной перспективе заставят развитые государства форсировать развитие наиболее отсталых стран мира. В первую очередь, речь идет о глобальных проблемах, которые затрагивают всех, поэтому интерес Запада к их решению в отсталых государствах будет неизбежно расти. Последним, в свою очередь, придется, так или иначе, ограничить собственный суверенитет, чтобы подстроиться под общие правила. Рискнем предположить, что поскольку демографическая и экологическая проблемы тесно связаны между собой, регулирование численности населения, возможно, постепенно станет не только национальным, но и общим делом. Ведь чтобы решить многие глобальные проблемы, необходимо осознать: развитие вширь не может продолжаться бесконечно, требуется сознательное ограничение в потреблении, а, следовательно, нужны механизмы, способные заставить большинство стран пойти на такие ограничения. По образному выражению Д.Белла, мы выросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет слово “предел” (“*limit*”). Пределы роста, расхищения окружающей среды, вмешательства в живую природу, вооружения и т.д. [Bell 1978: XXIX]. Напомним, что концепция устойчивого развития, сформулированная международной комиссией по окружающей среде и развитию и принятая конференцией ООН в 1992 г., включает два понятия: *необходимые потребности* и *ограничения* [Евтуев, Перелет 1989: 50]. Вполне вероятно, что в будущем начнется квотирование темпов роста экономики, поскольку без этого невозможны никакие другие ограничения.

Однако не стоит преувеличивать и без того большую роль экономики в трансформации государственного суверенитета (как это делает, например, В.Тураев [Тураев 2001]). Экономика выступает ведущим в этом плане фактором только в конечном счете. Для коренного же изменения суверенитета нужны серьезные перемены в других сферах. Поэтому проблема совмещения национальных и наднациональных, групповых и мировых интересов еще долго не утратит своей актуальности. Только некое институциональное решение, в конце концов, приведет к установлению нового, более или менее стабильного мирового порядка. Но не того порядка, о котором твердят США и НАТО, а, будем надеяться, системы более взвешенного учета интересов разных стран и регионов. Для того чтобы такой мировой порядок стал реально-

стью, должен произойти глубокий переворот в мировоззрении элит и народов, в результате которого национальные проблемы начнут рассматриваться сквозь призму и в контексте общих (региональных и мировых) задач и проблем.

- Адамович А., Шахназаров Г. 1988. Новое мышление и инерция прогресса. — *Дружба народов*, № 6.
- Альтерматт У. 2000. *Этнонационализм в Европе*. М.
- Бажанов Е.П. 2004. Неизбежность многополюсного мира. — *МЭиМО*, № 2.
- Бейлс А.Дж.К. 2004. Уроки Иракского кризиса. — *МЭиМО*, № 9.
- Бергер П.Л. 2004. Культурная динамика глобализации. — Бергер П.Л., Хантингтон С.П. (ред.). *Многоликая глобализация*. М.
- Бжезинский З. 1999. *Великая шахматная доска*. М.
- Бжезинский З. 2005. *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*. М.
- Ван дер Вее Г. 1994. *История мировой экономики, 1945 — 1990*. М.
- Гринин Л.Е. 1999. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета. — *Философия и общество*, № 4.
- Гринин Л.Е. 2005. Глобализация и национальный суверенитет. — *История и современность*, № 1.
- Гринин Л.Е. 2006а. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории. — *История и современность*, № 1.
- Гринин Л.Е. 2006б. *Производительные силы и исторический процесс*. М.
- Гринин Л.Е. 2006в. *Философия, социология и теория истории*. М.
- Гринин Л.Е. 2007а. *Государство и исторический процесс: от раннего государства к зрелому*. М.
- Гринин Л.Е. 2007б. *Государство и исторический процесс: политический срез исторического процесса*. М.
- Евтеев С.А., Перелет Р.А. 1989. *Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию*. М.
- Злоказова Н.Е. 2004. Расширение ЕС: за и против с позиций его членов. — *МЭиМО*, № 1.
- Зувев А.Г., Мясникова Л.А. 2004. Глобализация: аспекты, о которых мало говорят. — *МЭиМО*, № 8.
- Иванов Н.П. 2004. Человеческий капитал и глобализация. — *МЭиМО*, № 9.
- Ильин М.В. 1993. Собрание и разделение суверенитета. — *Полис*, № 5.
- Ильин М.В. 2001. Стабилизация развития. — Ильин М.В., Иноземцев В.Л. (ред.). *Мегатренды мирового развития*. М.
- Каплинский Р. 2003. Распространение положительного влияния глобализации: анализ “цепочек” приращения стоимости. — *Вопросы экономики*, № 10.
- Капра Ф. 2004. *Скрытые связи*. М.
- Кастельс М. 1999. Могущество самобытности. — Иноземцев В.Л. (ред.). *Новая постиндустриальная волна на Западе*. М.
- Кастельс М. 2002. *Информационная эпоха. Экономика, общество и культура*. М.
- Киссинджер Г. 2002. *Нужна ли Америке внешняя политика?* М.
- Крылова И.А. 2004. Современные угрозы и безопасность России. — *Философия и общество*, № 4.
- Лукьянов Ф. 2005. Евросоюз на фоне расширения. — *Российская газета*, № 19.
- Политология. Энциклопедический словарь*. 1993. Сост. Ю.И.Аверьянов. М.
- Сорос Дж. 2001. *Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм*. М.
- Терентьев А.А. 2004. Мироустройство начала XXI века: существует ли альтернатива “американской империи”? — *МЭиМО*, № 10.
- Тодд Э. 2004. *После империи. Pax Americana — начало конца*. М.
- Тураев В.А. 2001. *Глобальные проблемы современности*. М.
- Уткин А.И. 2000. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития. — *Полис*, № 1.

- Уткин А.И. 2002. *Мир после сентября 2001 года*. М.
- Цымбурский В.Л. 1993. Идея суверенитета в посттоталитарном контексте. — *Полис*, № 1.
- Шишков Ю.В. 2004. Международное разделение производственного процесса меняет облик мировой экономики. — *МЭМО*, № 10.
- Ян Э. 1996. Демократия и национализм: единство или противоречие? — *Полис*, № 1.
- Armstrong J.A. 1982. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill.
- Bell D. 1978. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N.Y.
- Bull H. 2003. Beyond the States System? — Held D., McGrew A. (eds.) *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. 2 ed. Cambridge.
- Chase-Dunn Ch. 2003. Globalization from Below: Toward a Collectively Rational and Democratic Global Commonwealth. — *Social Evolution & History*, № 2 (1).
- Clark I. 1999. *Globalization and International Relations Theory*. Oxford; N.Y.
- Collins R. 2002. Geopolitics in an Era of Internationalism. — *Social Evolution & History*, № 1 (1).
- Giddens A. 1990. *The Consequences of Modernity*. Stanford.
- Gilpin R. 2001. *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton, N.J.
- Grinin L., Korotayev A. 2006. Political Development of the World System: A Formal Quantitative Analysis. — Turchin P., Grinin L.E., de Munck V.C., Korotayev A.V. (eds.) *History & Mathematics: Historical Dynamics and Development of Complex Societies*. M.: KomKniga.
- Habermas J. 2003. *Dispute on the Past and Future of International Law. Transition from a National to Postnational Constellation*. Paper presented at the 21st World Congress of Philosophy, Philosophy Facing World Problems. August 10-17. Istanbul.
- Held D. 2003. The Changing Structure of International Law: Sovereignty Transformed? — Held D., McGrew A. (eds.) *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. 2 ed. Cambridge.
- Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. 1999. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Stanford, Cal. (Рус. пер. Хелд Д., Голдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. 2004. *Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура*. М.)
- Held D., McGrew A. 2003a. Political Power and Civil Society: A Reconfiguration? — Held D., McGrew A. (eds.) *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. 2 ed. Cambridge.
- Held D., McGrew A. (eds.). 2003b. *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. 2 ed. Cambridge.
- Keohane R.O. 1995. Hobbes Dilemma and Institutional Change in World Politics: Sovereignty in International Society. — Holm H.-H., Sorensen G. (eds.). *Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold War*. Boulder.
- Leftwich A. 2005. *States of Development. On the Primacy of Politics in Development*. Cambridge, UK; Malden, MA, USA.
- Maddison A. 2001. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.
- Mann M. 1997. Has Globalization Ended the Rise and Rise of the Nation-State? — *Review of International Political Economy*, vol. 4, № 3 (Autumn).
- Strange S. 2003. The Declining Authority of States. — Held D., McGrew A. (eds.). *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. 2 ed. Cambridge.
- World Bank. *World Development Indicators*. 2005. Washington, DC.